

ДВЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О «ДЕЛОССКОМ НЫРЯЛЬЩИКЕ»

М. В. ЕГОРЧКИН
Институт философии РАН (Москва)
egorochkin@iphras.ru

MIKHAIL V. EGORCHKIN
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)
TWO PAREMIOLOGICAL NOTES ON A “DELIAN DIVER”

ABSTRACT: The paper consists of two notes on a *Δήλιος κολυμβητής* (“Delian Diver”), the expression known from the famous anecdote about the book by Heraclius of Ephesus (D.L. II, 22 et XI, 11–12). The first note explores the Byzantine paremiographic tradition in which *Δήλιος κολυμβητής* entered as a saying. Analyzing the materials from the *Suda* (Δ 400), Michael Apostolius (*Paroem.* V, 100 CPG II), and an anonymous collection from the Iviron manuscript 4199/79 (No. 13 Sotiroudis), the author concludes that this expression was never a real proverb, as some scholars believe, but was originally an author’s turn of speech, which entered the paremiographic tradition thanks to an ancient philologist. The second note examines Herodas’ 3rd mimiamb *The Teacher*, where there is an expression *Δήλιος κυρτεύς*, “Delian fisherman with a fish trap”, which presents a curious parallel to *Δήλιος κολυμβητής*. Many scholars and commentators regard *Δήλιος κυρτεύς* as a proverb and see in it an indirect confirmation of the proverbial character of the *Δήλιος κολυμβητής*. Meanwhile, the careful reading of Herodas’ mimiamb indicates the opposite: since the “Delian fisherman with a fish trap” is certainly an invention of Herodas himself, this parallel proves that the “Delian Diver” was also not a proverb and entered the paremiographic tradition by chance, probably from some literary source.

KEYWORDS: A Delian diver, Heraclitus’ book, ancient anecdotes, Greek paroemiography, Herodas, a Delian fisherman with a fish trap.

I

«Делосский ныряльщик» и византийская паремιοграфия

Анекдот о книге Гераклита Эфесского, знаменитый выражением «делосский ныряльщик», Диоген Лаэртский упоминает дважды. Первый раз в биографии Сократа: «Говорят, Еврипид, давши ему [Сократу] сочинение Гераклита, спросил: “Как тебе?”, а тот ответил: “Что я понял – превосходно, как и то, думаю, чего не понял – да только тут нужен делосский ныряльщик (πλήν Δηλίου

γέ τιος δεῖται κολυμβητοῦ)» (D.L. II, 22). О том, что этот анекдот заимствован им у Аристона, которого обычно принимают за перипатетика Аристона Кеосского, Диоген Лаэртий вспоминает много позже – уже в жизнеописании самого Гераклита (D.L. XI, 11; ср. Aristo. Ceus. fr. 29–30 Wehrli; fr. 24a–b SFOD). Тут же он приводит и вторую версию анекдота, которую сообщает грамматик Селевк Александрийский (I в. до н.э. – I в. н.э.) со ссылкой на *Ныряльщика* некоего Кротона. Согласно этой версии, Гераклитову книгу в Элладу доставил некто Кратет, и это он, а вовсе не Сократ, сказал, что для той: «Требуется делосский ныряльщик, который в ней не захлебнется», Δηλίου τινὸς δεῖσθαι κολυμβητοῦ, ὃς οὐκ ἀποπνιγῆσεται ἐν αὐτῷ (D.L. XI, 12 = Seleuc. Alex. *FGrHist* 1056 F 3).

Заманчиво предположить, как это делает, например, Вальтер Буркерт, что выражение «делосский ныряльщик», отражая мастерство некоего ныряльщика с Делоса, являлось proverbialным: «The skill of a certain “Delian diver” was proverbial».¹ Иными словами – что выражение представляло собой поговорку, или, говоря языком античных филологов, – паремию. То, что оно было таковым прямо утверждается в *Суде*, византийском энциклопедическом лексиконе X века, в посвященной ему статье Δ 400: καὶ παροιμία· Δήλιος κολυμβητής, ἐπὶ τῶν πάντων ἐμπείρων νήχεσθαι, «Есть и паремия “Делосский ныряльщик” – о весьма опытных в плаванье» (*Suda* Δ 400). Известно выражение и поздне-византийским паремиографам. Оно вошло в обширное собрание Михаила Апостолия, писателя и копииста XV столетия, чьи материалы затем воспроизвел его сын Арсений в сочинении *Иония*: Δηλίου κολυμβητοῦ· ἐπὶ τῶν ἄκρως νηχομένων, «“Делосский ныряльщик” – о превосходно плавающих» (*Apostol. Paroem.* V, 100 CPG II = Arsen. *Ionia* 179 Walz). Кроме того, наряду с толкованиями сновидений, оно попало в небольшую анонимную подборку, найденную в Иверской рукописи 4199/79, которая датируется XV в. или даже сер. XIV в.² Любопытно отметить, что интересующая нас паремия сопровождается здесь не объяснением, а обоснованием: Δήλιος κολυμβητής· παρ’ ὅσον οἱ Δήλιοι καλῶς νήχονται, – то есть так говорят, «поскольку жители Делоса прекрасно плавают» (No. 13 Sotiroudis).³

¹ Burkert 1972, 138 n. 104.

² Ср. Lambros 1900, II, 10; Sotiroudis 1998, 101.

³ Причем обоснование это, вероятно, относится не к самой паремии, а к ее толкованию, которое по какой-то причине оказалось выпущено. Ср.: Μήτε νεῖν, μήτε γράμματα: ἐπὶ τῶν ἀμαθῶν. Ταῦτα γὰρ ἐκπαίδοθεν ἐν ταῖς Ἀθήναις ἐμάνθανον, «Ни умения плавать, ни грамоты» – о неучах. Ведь у афинян и то и другое изучали с самого детства» (*Diogen.* VI, 56 CPG I et *Apostol. Paroem.* XI, 53 CPG II; ср. *Suda* M 989). Как можно видеть, данная запись содержит три части: собственно паремию, ее толкование и

Если довести гипотезу о провербиальном характере *Δήλιος κολυμβητής* до логического конца, то мы вынуждены будем признать, что и Сократ и Кратет анекдота в своем знаменательном отклике на книгу Гераклита прибегают к ходившей в просторечии паремии. Но насколько верным будет такое заключение? И не правильнее ли будет допустить обратное – что паремия сама произошла из анекдота о книге Гераклита, представляя собой, скорее, крылатое слово или что-то в этом роде, нежели настоящую фольклорную поговорку? Ответ на эти вопросы подспудно, как кажется, содержится у самих византийских паремиографов.

При знакомстве с имеющимися у них материалами трудно не заметить одной странности: предлагаемые паремиографами толкования *Δηλίου κολυμβητοῦ* в общем-то не соответствуют жанру народной поговорки. Во-первых, они определенно приписывают выражению буквальный смысл, коль скоро подразумевают под «делосским ныряльщиком» *хорошего* или *опытного пловца*. В то время как настоящая поговорка, равно как и пословица, предполагает образную семантическую мотивировку, то есть ее общее значение не выводимо из прямых значений входящих в нее слов. Как верно заметил еще Аристотель: «Паремии суть метафоры от одного вида [вещей] к другому» (Arist. *Rhet.* III, 11, 1413a, 14–15). Или, попросту говоря, поговорка, как и пословица, имеет переносный смысл. Во-вторых, предлагаемые паремиографические толкования слишком специализированы. Тогда как фольклорная поговорка в силу своей иносказательности обладает широкой применимостью, оказываясь пригодной для самых разных явлений и жизненных ситуаций.

Возьмем для сравнения паремию с легендарным водолазом Скилием из Скионы, зафиксированную в *Розарии* Макария Хрисокефала (1300–1382 гг.): *Σκιωνάιος κολυμβῆ· ἐπὶ τῶν ἐμπειρίαν εἰς πράγματα ἐχόντων* (Macaг. Chruys. *Rhodon.* VI, 51 CPG II). Как видно по толкованию, «Скионец ныряет» может быть сказано о всяком, кто проявляет опытность в каком-нибудь деле или при определенных обстоятельствах. И хотя сама паремия никому из паремиографов, кроме Хрисокефала, не известна, так что любые сомнения в ее аутентичности

следующее за ним обоснование. Этим она заметно отличается от того типа паремиографических статей, где за толкованием идет пример употребления выражения. При этом очевидно, что запись в иверской подборке по своей структуре ближе как раз к процитированному тексту. И так же как в процитированном тексте, в котором обосновывается не сама паремия, а объяснение «о неучах», так и в иверском варианте обоснование изначально могло быть направлено не на выражение *Δήλιος κολυμβητής*, а на отсутствующее толкование (должно быть, близкое тому, которое дают «делосскому ныряльщику» *Суда* и *Апостолий*).

будут вполне резонны, все же ввиду приписываемого ей расширительного значения она имеет все шансы оказаться расхожей народной поговоркой.⁴

На фоне паремии о Скилии становится очевидным, что выражение «делосский ныряльщик» явно не предназначалось для характеристики любого человека, обладающего каким-то особым умением, но, если верить толкователям, относилось исключительно к искусным пловцам и никому больше. Предполагая же узкопрофессиональную область применения, оно не могло быть поговоркой в принципе. В свете паремиографических толкований естественнее допустить, что *Δήλιος κολυμβητής* служило для греческих пловцов чем-то вроде похвалы или высокой оценки, основанной на мастерстве ныряльщиков с Делоса. Иначе понять жанровую природу этого выражения невозможно.⁵

⁴ Другие примеры: Торшилов 2016, 151–164.

⁵ Неудивительно, что исследователи порой даже приходили к мысли, что в данном случае мы имеем дело с антономасией, или прономинацией, то есть с заменой собственного имени нарицательным, и что за *Δήλιος κολυμβητής* скрывается некое легендарное лицо. Так, в 1888 году Отто Крузиус, отвергая конъектуру Августа Наука, предложившего исправить *Δηλίου τινος κολυμβητοῦ* на *δεινοῦ τινος κολυμβητοῦ* (Nauck 1886, 114 Anm. 59 = Id. 1888, 226 Anm. 59), как если бы речь шла о «выдающемся водолазе», выдвинул на роль загадочного делосца Главка Понтийского, баснословного рыбака из беотийского города Анфедона, который благодаря волшебной траве сделался морским божеством, покровительствующим рыбакам и мореходам. Решающими для Крузиуса стали следующие две цитаты у Афиней: выдержка из 3-й книги *Европейской истории* Мнасея из Патр (III–II вв. до н.э.), где утверждается, что Главк был хорошим мореходом и ныряльщиком (Athen. VII 296b = Mnas. fr. 4 Cappelletto); и сообщение из *Делосской политики* Аристотеля о том, что Главк, «обитая на Делосе вместе с Нереидами, пророчесствует всем желающим» (Ibid. VII 296c-d = Arist. fr. 490 Rose). Таким образом, и род занятий Главка, когда тот был простым человеком, и место его пребывания, когда он обернулся божеством, вполне соответствуют тому, о ком говорится в анекдоте про книгу Гераклита (Crusius 1888, 382–384). Между тем всякое стремление установить личность «ныряльщика» – неважно, историческую или мифологическую – идет вразрез с текстом анекдота. Крузиус упустил из виду, что в нем употребляется неопределенное местоимение *τις: Δηλίου γέ τινος δέϊται κολυμβητοῦ*, – то есть для окончательного проникновения в книгу требуется не кто-то конкретный, а всего лишь «какой-нибудь водолаз с Делоса». Думай Сократ (или Кратет) о Главке, он наверняка выразился бы более определенно: *τοῦ Δηλίου κολυμβητοῦ*. Только при наличии в тексте артикля у нас имелось бы право допустить, что выражение относится к конкретному лицу. Таково, наверное, самое сильное из возражений Наука, которые он адресовал Крузиусу в последующей серии своих критических заметок (Nauck 1889, 458). И надо отдать должное Крузиусу, который при

Сама по себе узость толкований Δηλίου κολυμβητοῦ обусловлена, по всей видимости, тем, что паремииографы опирались не столько на живое бытование выражения, принимая в расчет все многообразие ситуаций его употребления, сколько на какой-то текст. В этой связи обращает на себя внимание еще одно свидетельство из той же статьи Суды Δ 400: Δηλίου κολυμβητοῦ, ἐπὶ τῶν ἄκρως νηχομένων. Σωκράτει γὰρ δόντος τοῦ Εὐριπίδου Ἡρακλείτου τοῦ Σχοτεινοῦ σύγγραμμα, ἐρέσθαι, τί δοκεῖ; τὸν δὲ φάναι· ἃ μὲν συνήκα γενναῖα· οἶμαι δὲ καὶ ἃ μὴ συνήκα· πλὴν Δηλίου δεῖται κολυμβητοῦ εἰς τὸ μὴ ἀποπνιγῆναι ἐν αὐτῷ, «Делосский ныряльщик» – о превосходно плавающих. Ибо после того как Еврипид дал Сократу сочинение Гераклита Темного, он спросил: “Как тебе?”, а тот ответил: “Что я понял – превосходно, как и то, думаю, чего не понял, но нужен делосский ныряльщик, чтобы в ней не захлебнуться» (Suda Δ 400).

Легко видеть, что первые две части приведенного пассажа – выражение и его толкование – дословно совпадают с тем, что мы читаем у Михаила Апостолия, в отличие от которого Суда, однако, содержит еще и третью часть – пример употребления выражения, которым выступает анекдот о книге Гераклита. Наличие ряда нюансов в данной версии анекдота не позволяет вслед за М. Марковичем утверждать, что составитель Δ 400 почерпнул ее непосредственно у Диогена Лаэртия.⁶ Неясным до конца остается и характер отношения между Судой и Апостолием. Какой вывод следует сделать из точного совпадения между ними: что поздневизантийский паремииограф опирается на лексикон или что они независимо друг от друга восходят к одному общему источнику, например собранию паремий? И если да, то иллюстрировалась ли паремия о «делосском ныряльщике» в том собрании анекдотом? Для однозначного ответа на эти вопросы у нас, к сожалению, недостаточно сведений ни о предшествующей словарию Суда,⁷ ни о последующей паремиио-

удобном случае признал правоту оппонента (Crusius 1892, 67) – что, правда, не помешало С.А. Мельникову спустя более чем столетие вновь вернуться к гипотезе о Главке Понтийском (см. Мельников 2007, 29–34; 2012, 106–115).

⁶ Напомним, что М. Маркович включил эту версию Суды в число «византийских эксцерптов» из *Жизней философов* Диогена Лаэртия (Marcovich 1999, II, 11; см. также Id. 1999, I, x), при том что издательница лексикона Ада Адлер воздержалась от каких-либо домыслов на сей счет, не сделав на полях Δ 400 никаких пометок (Adler 1931, II, 37).

⁷ К очерченному А. Адлер кругу вероятных источников, откуда Суда могла черпать имеющиеся у нее паремии (Adler 1928, I, xix), можно добавить догадку А. Руты о несохранившемся сборнике IX в., близком к так называемой *recensio Athoa* Зенобия (Ruta 2021, 242–249). – Подробно об истории античной паремииографии и принципах накопления паремииографического материала: Tosi 1988, 197–220; Id. 1994, 179–197.

графической традиции, включая традицию малых и частных коллекций, подтверждением существования которых служит хотя бы та же анонимная подборка из Иверской рукописи 4199/79. Впрочем, для нас сейчас не так важны отношения между источниками, сколько явное противоречие, присутствующее в приведенном выше пассаже из статьи Δ 400. При том что толкование *Δήλιου κολυμβητοῦ*, как и у Михаила Апостолия, имеет в ней буквальный смысл, иллюстрирующий анекдот, несомненно, предполагает метафорическое употребление этого выражения.

Как же возникло указанное противоречие? Разумеется, оно вполне могло произойти по оплошности или недосмотру автора Δ 400 или его источника, бездумно добавившего в паремиографическую статью анекдот о Гераклитовой книге. Однако, учитывая то постоянство, с каким *Δήλιος κολυμβητής* получает буквальное толкование, с одной стороны, и недостаток примеров с «делосским ныряльщиком» – с другой, вернее будет предположить, что наблюдаемый в Δ 400 контраст между толкованием и анекдотом не случаен. Очень может быть, что своим объяснением автор статьи в *Суде* (или его предшественник) стремился не пояснить общий смысл выражения, подкрепив затем сказанное примером, но указать его значение в определенном контексте, которым, по сути, выступал сам пример. Иначе говоря, он пытался не определить общее значение выражения, но лишь уточнить тот семантический аспект, который являлся существенным именно при его использовании в конкретном анекдоте. Отсюда и узость истолкования: *Δήλιος κολυμβητής* в значении *превосходно плавающий* говорилось не вообще, но лишь применительно к чтению и пониманию Гераклита.

В самом деле, у нас нет ни одного свидетельства, где бы «делосский ныряльщик» упоминался вне анекдота о Гераклитовой книге.⁸ Единственным исключением является эпиграмма Льва Философа (ок. 790–870 гг.), где *Δήλιος κολυμβητής* понадобился не сочинению Гераклита, а *Коническим сечениям* Аполлония, от лица которых она и написана (Leo. *Epigr.* VI Westerink = *Anth. Pal.* IX, 578):

Того, что есть внутри меня, сей книги, друг,
Характер труден и до крайности глубок:

⁸ Ср. стоящие особняком высказывания о книге Гераклита александрийских неоплатоников Элия (VI в.) и Давида (VI–VII вв.) и ритора XI столетия Иоанн Доксопатра, которые, не называя ныряльщика «делосским», говорят о нем как о *βαθέος κολυμβητοῦ* (Elias, *In Porph.* 42, 1–2 CAG XVIII, 1; David, *In Porph.* 105, 10–13 CAG XVIII, 2; ср. Доход. *In Aphthon. Progymn.* II, 226, 2–5 Walz).

Потребуется тут делосский водолаз.
 Но если кто в мои пучины бросится
 И глубину обшарит всю старательно,
 Тот первый приз получит в геометрии
 И мудрым будет признан без сомнения.
 Гарантом и свидетелем тому Платон.

В действительности же это исключение лишь подтверждает правило. Ведь и тут *Δήλιος κολυμβητής* требуется сочинению, где рассматриваются, по слову эпиграмматиста, глубокие и трудные проблемы. «Делосский водолаз» Льва Философа – не более чем аллюзия на известный образ, призванная продемонстрировать эрудицию автора эпиграммы, недвусмысленно отсылая читателя к исходному контексту «ныряльщика». И эта аллюзия лишний раз доказывает, что тот неразрывно связан с анекдотом о книге Гераклита, вне которого просто-напросто не мыслится.

Выражение *Δηλίου κολυμβητοῦ* почти наверняка возникло вместе с анекдотом и никогда не было подлинной фольклорной поговоркой. Больше всего оно похоже на выразительный авторский оборот, который с легкой руки некоего филолога попал однажды в паремииграфическую традицию, после чего стал переходить из сборника в сборник вместе с прочими паремиями.

II

Δήλιος κολυμβητής и Δήλιος куртеύς

Есть и другое небезынтересное соображение в пользу фольклорной природы *Δήλιος κολυμβητής*. Дело в том, что к данному выражению существует давно подмеченная филологами параллель, которая находится в третьем мимиямбе Герода, поэта сер. III в до н.э., *Учитель*. В нем Герод изображает раздосадованную мать Метротиму, которая, обращаясь к школьному учителю Ламприску, бранит своего нерадивого сына Коттала. Среди ее упреков есть и такой (Herond. III, 50–52):

ἄρη δὲ κοίως τὴν ράκιν λελέπρηκε
 πᾶσαν, κατ' ὕλην, οἷα Δήλιος куртеύς
 ἐν τῇ θαλάσσει, τῶμβλὸ τῆς ζοῆς τρίβων.

А глянь, каким спина покрылась вся струпом,
 Да он в лесу, что в море твой рыбак с вершей

Делосский, дни влачит своей тупой жизни.⁹

Сравнение праздного и бесцельного времяпрепровождения Коттала с жизнью Δήλιος курτεύς, делосского рыбака, орудующего вершей (снастью в виде корзины с узким горлом), показывает, какой подобная жизнь виделась тогда стороннему наблюдателю. Еще Платон называл ловлю с помощью верши «ленивой охотой» (Plat. *Leg.* 823e) – вредной для юношей, поскольку она ничему их не учит. Как бы там ни было, перед нами еще одно упоминание о занятом морским промыслом делосце, и сходство Δήλιος κολυμβητής и Δήλιος курτεύς совершенно очевидно. Но есть ли между ними какая-то иная связь, кроме того, что и тот и другой промышляли в акватории Делоса?

Пожалуй, самым оригинальным ответом на этот вопрос стала гипотеза Филиппа Брюно, высказанная им в серии посвященных Делосу заметок *Deliasa*. Предлагая довольно изощренное чтение отрывка из Герода, Ф. Брюно попытался доказать, что упомянутый поэтом Δήλιος курτεύς был отнюдь не простым рыбаком, а профессиональным ныряльщиком за багрянкой. На это, по мнению ученого, прежде всего указывает то, что у Герода он проводит время не «на море», κατὰ θάλασσαν, как пристало обычному рыболову, а «в море», ἐν τῇ θαλάσῃ, то есть ему постоянно приходится погружаться под воду. Примечательно и использование верши, которая может служить ему корзиной для сбора моллюсков, что подтверждается рядом свидетельств, начиная с сообщения Аристотеля, согласно которому багрянок после поимки держали в вершах (Arist. *Hist. anim.* V 15, 547a; ср. Plin. *Nat. hist.* XXII, 3). Наконец, в пользу такой интерпретации говорит наличие на Делосе активного производства пурпура, засвидетельствованное эпиграфическими и археологическими источниками. На основании всех перечисленных фактов и наблюдений Ф. Брюно выдвигает следующую гипотезу: будучи ныряльщиком за моллюсками, Δήλιος курτεύς всецело тождественен Δήλιος κολυμβητής, о котором сообщает Диоген Лаэртий – а значит, «делосский ныряльщик» и сам был не кем иным, как ловцом багрянки.¹⁰

⁹ Стоит отметить, что язык Герода сложен и неизменно вызывает множество споров. В процитированном отрывке, например, немалую трудность составляет интерпретация гапакса ῥάχις, который прежние издатели и исследователи связывали со словом ῥάχος ‘лохмотья, тряпье’, тогда как нынешние – с ῥάχις ‘спина, хребет’. Приведенный перевод следует в основном трактовке И. Каннингема (Cunningham 1971, 115–116).

¹⁰ Bruneau 1979, 83–88. Специально о пурпурном промысле: Id. 1969, 759–791; 1978, 110–114. Выводы Ф. Брюно поддержал П. Брун, уточнив, что делосские водолазы промышляли в водах всего треугольника Делос – Рения – Миконос (Brun 1996, 133–134; ср. Constantakopoulou 2017, 23 n. 84).

В последующей серии заметок Ф. Брюно приобщает к ним еще и *Δήλιος ἀλιεύς*, «делосского рыбака» Пирра, которым, по словам Гераклида Понтийского, в предшествующей жизни был Пифагор (Heracl. Pont. fr. 89 Wehrli; fr. 86 Schütrumpf = D.L. VIII, 5), допуская, что тот тоже промышлял добычей пурпура.¹¹ Правдоподобность предлагаемых исследователем отождествлений при желании можно подкрепить ссылкой как на Гераклида Критика (III–II вв. до н.э.), который, описывая труд анфедонских рыбаков и ныряльщиков, не делает между ними никакого различия, называя тех и других *ἀλιεῖς* – рыбаками (Heracl. Crit. *FGrHist* 369a F 1, 24; ср. Aesop. 425 Perry = Diogen. *Praef.* CPG I, 179), так и на словарь Гесихия, где *κυρτεύς* толкуется как *ἀλιεύς* (Hesych. κ 4712).¹² Одним словом, все указанные «труженики моря» – *Δήλιος κολυμβητής*, *Δήλιος κυρτεύς* и *Δήλιος ἀλιεύς*, – хотя и назывались по-разному, и впрямь могли заниматься одним и тем же ремеслом.

И все же гипотеза Ф. Брюно не лишена слабых сторон и легко уязвима для критики. Взять хотя бы то, что предложенное им истолкование *Δήλιος κυρτεύς* как ныряльщика за багрянкой, от которого, без сомнения, требовалось немалое упорство и усердие в работе, полностью расходится с тем, каким его видит сам Герод, у которого он олицетворяет вялое и бездеятельное существование. Кстати, помимо замечания Платона до нас дошли две характерные паремии о ловле вершей: пословица *Εὔδοντι κύρτος κίρεϊ* – «Спящему верша ловит» (Paus. ε 80 Erbse; Diogen. IV, 65 CPG I; Apostol. VIII, 9 CPG II) и поговорка *Εὔδόντων ἀλιευτικῶν κύρτος* – «Верша дремлющих рыболовов» (Zenob. IV, 8 CPG I). На их фоне выражение *Δήλιος κυρτεύς* у Герода приобретает еще большую выразительность.

Плохо согласуется гипотеза Ф. Брюно и с технической стороной дела. Как впоследствии показал Эфраим Литл в кропотливой статье о делосском пурпуре, построения ученого далеко не во всем реалистичны. Как известно, пурпурное производство – предприятие крайне трудоемкое и затратное. Изготовление одного грамма красителя требует огромного количества моллюсков (их счет идет на тысячи), набрать которое под водой вручную едва ли кому-то под силу. Куда эффективнее иной способ ловли, о котором, в частности, сообщает Поллукс, когда заводит речь о финикийских рыбаках. Те не заныривали под воду, а ловили багрянку непосредственно вершами. Начинив корзины приманкой, они опускали их на дно в каменистых местах и держали так до тех пор, пока верши сами не наполнятся моллюсками (Poll. *Onom.* I, 47–48). В результате

¹¹ Bruneau 1985, 545–546.

¹² Ср. основанную на этой глоссе догадку Дж. Джангранде, будто бы под *Δήλιος κυρτεύς* Герод прямо подразумевает *Δήλιος ἀλιεύς* (Giangrande 1973, 88–89).

Э. Литл приходит к взвешенному заключению, которое вдобавок не противоречит сценке Герода: Δήλιος курτεύς действительно мог быть ловцом багрянки, хотя и совсем не таким, каким его мыслил Ф. Брюно, – ему не приходилось постоянно нырять за ней в воду, а только следить за вершами (где пойманная багрянка и хранилась вплоть до самого окончания лова, как о том сообщает Аристотель). В свою очередь, Δήλιος κολυμβητής, полагает Э. Литл, был не ловцом багрянки, а скорее всего, ныряльщиком за губкой.¹³

Тем временем *Delia* Ф. Брюно содержат еще одно, куда более интересное для нас сейчас наблюдение. В них он среди прочего подмечает, что выражение Δήλιος курτεύς упоминается в *Учителе* без каких-либо оговорок и разъяснений, не вызывая ни малейшего недоумения у Ламприска, к которому обращается Метротима. Следовательно, оно было знакомо и той аудитории, на которую рассчитывал сам Герод. Отсюда Ф. Брюно делает вывод, что Δήλιος курτεύς носил провербиальный характер и что выражения Δήλιος κολυμβητής и Δήλιος ἀλιεύς равным образом надлежит считать провербиальными.¹⁴

К сожалению, и это рассуждение Ф. Брюно небезупречно. Но прежде чем перейти к его критике, нелишне сразу упомянуть о другой, не менее изобретательной попытке объяснить сходство между Δήλιος курτεύς и Δήλιος κολυμβητής, близкой Ф. Брюно по своей интенции. Она предпринята Ламберто Ди Грегорио, современным издателем и комментатором Геродовых *Мимиямбов*. Согласно Л. Ди Грегорио, подобие этих выражений – следствие сознательной шутиливой проделки Герода, построенной на контаминации. Возмущенная поведением сына Метротима путает две разные народные поговорки – о «делосском ныряльщике» и о «рыбаке с вершей» (см. выше), – приписывая при этом характеристику первого, Δήλιος, второму. Таким образом Герод изобличает невежество простолюдинки Метротимы, которое в свете ее упреков в адрес Коттала придает всей сценке дополнительный комический эффект. И хотя, по мысли Л. Ди Грегорио выходит, что геродовский Δήλιος курτεύς настоящей поговоркой не был, тем не менее – и в этом он как раз сходится с Ф. Брюно – ей был Δήλιος κολυμβητής.¹⁵

¹³ Lytle 2007, 249–250; см. также: Id. 2013, 306.

¹⁴ Bruneau 1979, 86–88; Id. 1985, 546. Сама по себе эта мысль высказывалась задолго до Ф. Брюно, – ср. Groeneboom 1922, 110; Headlam 1922, 142–143.

¹⁵ Di Gregorio 1997, 217. Гипотеза Ди Грегорио получила сегодня широкое признание, хотя далеко не всегда воспринимается исследователями критически. Так, Г. Занкер, казалось бы, совершенно верно отмечая противоположность между «делосским рыбаком с вершей», каким он видится Героду, и «делосским ныряльщиком», каким он представлен в *Суде*, все же допускает, что: «Herodas may be caricaturing Métrotimê by making her confuse two proverbs of opposite meaning» (Zanker 2009,

Что можно возразить Ф. Брюно и Л. Ди Грегорио? И тот и другой почему-то упускают из виду, что *Δήλιος κურτεύς* используется Геродом в качестве второго члена сравнительного оборота, или средства сравнения – то есть в качестве того, чьему прозябанию на море уподобляются бесплодные и бесцельные шатания Коттала. Важной чертой такого рода выражений выступает то, что они по определению имеют прямой смысл, чем кардинально отличаются от пословиц и поговорок, предполагающих образную мотивировку общего значения. Иначе говоря, *Δήλιος κურτεύς* у Герода необходимо отсылает к обычному рыболову с вершей и не может быть признано провербиальным. С этой точки зрения неверно говорить даже о «провербиальном сравнении», как при обсуждении идеи Л. Ди Грегорио поступает Х.А. Фернандес Дельгадо, тем самым продолжая признавать *Δήλιος κურτεύς* образным выражением.¹⁶

Проиллюстрируем сказанное на примере уже приводившейся ранее паремии «Скионец ныряет», которая, если верить Макарию Хрисокефалу, имеет переносное значение и применима к любому опытному в своем деле человеку. Как только мы включим эту паремию в сравнительный оборот – «*Х делает Y, как Скионец ныряет*» или, если приблизить пример к Героду, «*Х ныряет, будто Скионец*», – она тут же утратит свою иносказательность, перестав быть поговоркой.¹⁷ В роли средства сравнения она подразумевает лишь профессиональный навык Скилия, его выдающееся водолазное мастерство. Не остается здесь места и для каких бы то ни было провербиальных аллюзий. В самом деле, странно было бы ожидать, что «Скионец» сравнительного оборота, имея буквальное значение, должен вызывать в памяти некую поговорку. То же самое справедливо и для геродовского *Δήλιος κურτεύς*.

Спору нет, сравнение времяпровождения Коттала с жизнью «рыбака с вершей» нетривиально. Однако отсюда автоматически не следует, что оно являлось провербиальным. Если только не понимать саму провербиальность в нестрогом смысле – как нечто *само собой разумеющееся* и *общеизвестное*. И, как ни удивительно, именно в таком духе и нужно прочитывать отрывок из

88). Нужно ли говорить, что это предположение неправдоподобно уже потому, что простолюдинка Метротима вряд ли могла спутать столь разные по смыслу поговорки. Ср. замечание И. Каннингема, полагавшего, что само сопоставление *Δήλιος κურτεύς* с *Δήλιος κολυμβητής* нерелевантно и будет оправданным только в том случае, если мы допустим, что Герод самолично спутал одно с другим (Cunningham 1971, 115).

¹⁶ Fernández Delgado 2011, 57–58.

¹⁷ При условии, конечно, что глагол в высказывании «*Х ныряет, будто Скионец*», подобно *τρίβω* у Герода, взят в прямом значении. В противном случае перед нами, разумеется, была бы поговорка, которую, к слову сказать, как раз и разумно было бы классифицировать как «провербиальное сравнение».

Герода. Сравнить Коттала с Δήλιος курτεύς позволило поэту то простое обстоятельство, что ныряльщики и рыбаки с Делоса (в том числе орудующие вершей) были всем хорошо знакомы. Остров издавна славился своими морскими промыслами. Это подтверждает не только Δήλιος ἀλιεύς Пирр, живший до Пифагора, но и ἰχθυβολῆες ἀλίπλοοι, «морские рыболовы, бьющие рыбу острогой», которых Каллимах упоминает в *Гимне к Делосу* (Call. *Нутп.* IV, 15).¹⁸ Самоочевидность геродовского Δήλιος курτεύς, столь верно подмеченная Ф. Брюно, указывает не на провербиальность выражения в строгом смысле слова, а служит еще одним свидетельством популярности делосских ныряльщиков и рыбаков. Что же касается самого сравнения Герода, то его надлежит рассматривать не иначе как удачную поэтическую находку. Не говоря уже о том, что оно имеет важное значение для правильной оценки «делосского ныряльщика».

Геродовский Δήλιος курτεύς играет роль своеобразного ориентира, сверяясь с которым легче определить речевой статус Δηλίου κολυμβητοῦ. Ведь если все высказанные выше замечания по поводу «делосского рыбака с вершей» верны, то наличие этой параллели побуждает усомниться в фольклорной природе «делосского ныряльщика», в чем до сих пор убеждены многие ученые, и считать его аналогичным авторским изобретением. Таким образом, сравнение Герода косвенно свидетельствует в пользу того, что Δηλίου κολυμβητοῦ не был поговоркой и в пермиографическую традицию, скорее всего, попал из какого-то литературного произведения. И, пожалуй, не так уж неправы были Г. Дильс и Р. Мондольфо, когда ставили реплику Сократа «Да только тут нужен делосский ныряльщик» в один ряд с прочими суждениями древних о «темноте» и «глубине» книги Гераклита.¹⁹

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Мельников, С.А. (2007) “ΣΩΚΡΑΤΗΣ ΠΡΑΚΛΕΙΤΙΖΩΝ,” *Историко-философский альманах* 2, 23–41.
- Мельников, С.А. (2012) “«Делосский ныряльщик»,” *Созидающая верность: К 90-летию А.А. Тахо-Годи*, отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. Москва, 106–115.

¹⁸ Как показал Э. Литл лов той же багрянки был столь интенсивным, что уже к III-му в. до н.э. ее популяция в акватории Делоса (равно как и соседних Рении и Миконоса) заметно снизилась, что сказалось на объемах ее добычи. Об этом говорят записи в храмовых отчетах: если в 314 г. до н.э. сбор от пурпурного промысла составлял 650 драхм, то уже в 302 г. – всего 40, а в 279 г. и того меньше – 12 драхм (Lytle 2007, 262).

¹⁹ См. 22 A 4 DK; Mondolfo, Taràn 1972, 67–70.

- Торшилов, Д.О. (2016) "Мифологические имена в древнегреческих паремиях," *Шаги* 2, 2–3, 151–164.
- Adler, A. (1928–1938) *Suidae lexicon*, I–V. Lipsiae.
- Brun, P. (1996) *Les archipels égéens dans l'Antiquité grecque (V^e–IIe siècles av. notre ère)*. Bordeaux.
- Bruneau, Ph. (1969) "Documents sur l'industrie délienne de la pourpre," *BCH* 93, 2, 759–791.
- Bruneau, Ph. (1978) "Deliaca II," *BCH* 102, 1, 109–171.
- Bruneau, Ph. (1979) "Deliaca III," *BCH* 103, 1, 83–107.
- Bruneau, Ph. (1985) "Deliaca V," *BCH* 109, 1, 545–567.
- Burkert, W. (1972) *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*, transl. by E.L. Minar, Jr. Cambridge, Mass.
- Constantakopoulou, Ch. (2017) *Aegean Interactions: Delos and its Networks in the Third Century*. Oxford.
- Crusius, O. (1888) "ΔΗΛΙΟΣ ΚΟΛΥΜΒΗΤΗΣ," *Philologus* 47, 382–384.
- Crusius, O. (1892) *Untersuchungen zu den Mimiamben des Herondas*. Leipzig.
- Cunningham, I.C. (1971) *Herodas, Mimiambi*. Oxford.
- Di Gregorio, L. (1997) *Eronda, Mimiambi (I–IV)*. Milano.
- Fernández Delgado, J.A. (2011) "Las expresiones proverbiales más problemáticas del *Mimiambo III* de Herodas," *A Greek Man in the Iberian Street. Papers in Linguistics and Epigraphy in Honour of Javier de Hoz*, ed. by E.R. Luján and J.L. García Alonso. Innsbruck, 55–64.
- Giangrande, G. (1973) "Interpretation of Herodas," *QUCC* 15, 82–98.
- Groeneboom, P. (1922) *Les Mimiambes d'Hérodas*, I–VI. Groningue.
- Headlam, W. (1922) *Herodas, The Mimes and Fragments*. Cambridge.
- Lambros, S.P. (1895–1900) *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos*, I–II. Cambridge.
- Lytle, E. (2007) "The Delian Purple and the «Lex portus Asiae»," *Phoenix* 61, 3–4, 247–269.
- Lytle, E. (2013) "«Entirely Ignorant of the Agora» (Alkiphron 1.14.3): Fishing and the Economy of Hellenistic Delos," *Belonging and Isolation in the Hellenistic World*, ed. by S.L. Ager and R.A. Faber. Toronto, 295–316.
- Marcovich, M. (1999) *Diogenis Laertii Vitae philosophorum*, I–II. Berolini, Novi Eboraci, Stutgardiae, Lipsiae.
- Mondolfo, R. & Taràn, L. (1972) *Eraclito, Testimonianze e imitazioni*. Firenze.
- Nauck, A. (1886) "Kritische Bemerkungen IX," *Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg* 30, 22–132 (= *Mélanges Gréco-Romains*, 1888, 5, 93–252).
- Nauck, A. (1889) "Analecta Critica," *Hermes* 24, 3, 447–472.
- Ruta, A. (2021) "Note sulla trasmissione testuale dei corpora paremiografici," *Museum Helveticum* 78, 2, 242–249.
- Sotiroidis, P. (1998) "Συλλογή παροιμιών και ονειροκριτικών στίχων στον κώδ. Ιβήρων 79," *Lesarten: Festschrift für Athanasios Kambylis zum 70. Geburtstag dargebracht von Schülern, Kollegen und Freunden*, hrsg. von I. Vassis, G.S. Henrich, D.R. Reinsch. Berlin, New York, 101–109.
- Tosi, R. (1988) *Studi sulla tradizione indiretta dei classici greci*. Bologna.

Tosi, R. (1994) "La lessicografia e la paremiografia in età alessandrina ed il loro sviluppo successivo," *Entretiens sur l'Antiquité classique, XL: La philologie grecque à l'époque hellénistique et romaine*, prép. et prés. par F. Montanari. Vandœuvres – Genève, 143–209.

Zanker, G. (2009) *Herodas, Mimiambos*. Oxford.

References in Russian:

Melnikov, S.A. (2007) "ΣΩΚΡΑΤΗΣ ΗΡΑΚΛΕΙΤΙΖΩΝ," *Istoriko-filosofskii al'manakh [Historical and Philosophical Almanac]* 2, 23–41.

Melnikov, S.A. (2012) "Delosskii nyryal'shchik," [A Delian Diver], *Sozidayushchaya vernost': K 90-letiyu A.A. Takho-Godi [Creative Fidelity: To the 90th Anniversary of A.A. Takho-Godi]*, ed. by E.A. Takho-Godi. Moscow, 106–115.

Torshilov, D.O. (2016) "Mifologicheskie imena v drevnegrecheskikh paremiyakh," [Mythological Names in Ancient Greek Proverbs], *Shagi / Steps* 2, 2–3, 151–164.